

Ринат Резванов, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79). E-mail: kraspgk@yandex.ru

Rinat Rezvanov, Siberian Federal University, (79 Svobodny pr., 660041 Krasnoyarsk). E-mail: kraspgk@yandex.ru

ДИСКУССИИ 1960-1970-Х ГОДОВ О ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА МЕЖДУ ТЯЖЁЛОЙ, ЛЁГКОЙ ИНДУСТРИЯМИ И СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

Ключевые слова: Siberia, Soviet planning, Soviet industrialization in Siberia, territorial economic planning, urban development, population migration, women's issue, Krasnoyarsk Krai, Novosibirsk, Irkutsk Region, Altai Krai, Siberian cities, migration processes, history of Russia, history of USSR

В статье анализируются основные концептуальные подходы 1960-1970-х годов к проблематике пространственно-экономического (или территориально-хозяйственного) развития Сибири. Фокус дискурсивного анализа сосредоточен на расхождениях в экономических моделях представителей ключевых советских исследовательских центров, непосредственно занятых разработкой «сибирской проблематики». Речь идёт, прежде всего, о Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС, Москва) и Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (ИЭОПП, Новосибирск). К ним можно отнести и Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР (ИГСиДВ, Иркутск), хотя объём его концептуальных научно-исследовательских разработок значительно уступал СОПСу и ИЭОПП. Ключевыми акторами процессов являлись и региональные власти: важен пример с проведённым ИЭОПП по заказу Красноярского совнархоза исследованием формирующихся Ачинско-Назаровского и Абакано-Минусинского промышленных узлов. Совнархоз выступал и заказчиком научных работ, и центром принятия решений по их итогам.

Статья исходит из методологического базиса истории интеллектуальных идей с его предельным вниманием к текстовым источникам и относящимся к ним интерпретационным (герменевтическим) структурам, а также к пространству контекста, в хронологических рамках которого создавался дискурс научной интертекстуальности (Репина, 2009: 7-8). Важным становится выявление полемиического поля в авторских работах советских аналитических центров (СОПС, ИЭОПП, ИГСиДВ). С учётом высказанного американским историком Алланом Мегиллом кредо интеллектуальной истории: «идеи имеют последствия, и именно по этой причине они заслуживают критического и исторического изучения» (Мегилл, 2005: 20), для современной российской экономической практики обстоятельство становится дважды значимым, поскольку

приведённые в статье концепты (условно: как Госплана, так и ИЭОПП) были осуществлены на практике.

***

Индустриальное освоение востока неизбежно сталкивалось с проблемой высокой капиталоемкости реализуемых проектов. Каждый новый проект оборачивался несопоставимо большими, в сравнении с западными районами страны, материальными и экономическими издержками. Сибирская специфика сказывалась, как правило, полутора-трёхкратным превышением стоимости строительно-монтажных работ, в два-три раза большими оказывались и сроки строительства. Обо всём этом советские исследователи заявляли ещё в начале 1970-х годов (Котляр, 1989: 16).

В самой Сибири, учитывая неоднородность её пространства, межрайонная дифференциация могла показать куда больший разрыв в цифрах. Например, в Норильске, центре самого северного в Советском Союзе формирующегося ТПК, стоимость социального обслуживания населения оказывалась в 3,5 раза выше, чем в Красноярске (Воробьев, 1977: 128).

Надежды на поиск действенных решений, позволяющих снизить издержки, государство возлагало на науку. Экономисты должны были грамотно спланировать и рационализировать размещение производительных сил; в противном случае цена ошибки при осуществлении масштабных комплексных проектов (например, размещения объектов ТПК) могла оказаться непомерно высокой.

Решая проблему высоких издержек, советские экономисты обратили внимание на фонд оплаты труда. На востоке страны к постоянным издержкам на оплату труда добавлялась необходимость индексации заработной платы и ввода дополнительных мер материальной стимуляции. Индексация, особенно «северные (районные) коэффициенты», должна была работать на привлечение и удержание кадров в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями и неразвитой социальной, культурно-бытовой инфраструктурой. Важной вехой в становлении системы государственного стимулирования стало принятие 4 февраля 1960 года совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера». Оно вводило 10% надбавку к месячной заработной плате (без учёта районного коэффициента и вознаграждения за выслугу лет) в зависимости от местности и стажа работы.

В действительности на местах далеко не всегда выдерживалось следование повышенным коэффициентам оплаты труда. По данным Восточно-Сибирской плановой

комиссии, в конце 1968 г. реальная заработная плата у работников сферы материального производства Восточной Сибири оказался на уровне 94%, а непромышленной сферы — 81% к среднереспубликанскому показателю (т. е. по РСФСР). И это на фоне более высоких расходов, которые, как указывала плановая комиссия, несли жители той же Иркутской области в сравнении с центральными районами страны: «на отопление — на 90%, на одежду — на 18%, а рыночные цены в Сибири на 30% выше, чем в европейской части страны» (Арасланова, 2015: 20).

Тем не менее, ставка на материальное стимулирование находилась в числе приоритетных. Уже в 1980 году по уровню среднемесячной зарплаты в стране Дальний Восток занимал в стране первое место, Восточная и Западная Сибирь — соответственно второе и третье места (Бреев, 1977: 47).

По мнению учёных из Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС), именно снижение относительных затрат на оплату труда на востоке страны, прежде всего в районах Крайнего Севера (и приравненных к ним), могло компенсировать влияние негативных факторов удорожания производства.

Госплан СССР исходил из трёх ключевых параметров экономического развития на востоке страны:

1. Совершенствование отраслевой структуры хозяйства, через рационализацию территориально-производственного планирования;
2. Внедрение «индустриальной триады» из комплексной механизации, автоматизации и электрификации производства. Следовало использовать машины и механизмы в «сибирском», «северном» исполнении (т.е. с учётом низких температур, вечной мерзлоты, сильно пересечённой местности и прочих неблагоприятных факторов);
3. Экономия трудовых ресурсов, как с технической, так и с организационно-штатной стороны (Кистанова, 1978: 49).

Главенствующее положение в системе мер по снижению издержек отводилось территориально-отраслевому планированию. И здесь советские плановые ведомства исповедовали принцип преимущественного развития на востоке страны топливно-энергетических и энергоёмких отраслей, предприятий машиностроения и производства оборудования, а также добывающей и лесной промышленности.

Определив для себя приоритетные направления, советское экономическое планирование уже не рассматривало в качестве досадного упущения отставание в развитии остальных, не первоочередных региональных производств. По мнению центральных ведомств, они могли и вовсе оказаться конкурентами системообразующих предприятий. Объяснялось это следующим образом: «нельзя относить к недостаткам

хозяйства трудодефицитных районов замедленное по сравнению со среднесоюзным уровнем развитие таких трудоёмких отраслей, как точное машиностроение, перерабатывающие отрасли химии, лёгкая промышленность и т. п. Ускоренный рост этих производств в условиях недостаточности трудовых ресурсов может оказать сдерживающее влияние на развитие других, более эффективных отраслей...» (Кистанова, 1978: 62).

«Сравнительно небольшой рост численности населения и трудовых ресурсов в перспективе диктует делать основной упор на развитие энергоёмких отраслей. В Восточной Сибири целесообразно производить алюминий, медь, никель, ферросплавы, химическое волокно, бумагу и т. д.» (Воробьёв, 1977: 128). Спустя два десятилетия после принятия на XX съезде КПСС «восточных» директив, советские экономисты последовательно воспроизвели перечень намеченных тогда приоритетных производств.

Серьёзных структурных сдвигов в пространственно-экономическом планировании не было, общий индустриальный тренд диктовался всё теми же исходными позициями. Отсюда и ставка на энергоёмкие и сырьевые производства. Они же в первую очередь и должны были укомплектовываться кадрами. Слова отнюдь не расходились с делом. В *Таблице № 1* наглядно показано, насколько высоким в 1960—1970-х годах оказался удельный вес занятых в отраслях тяжёлой индустрии Сибири.

Для нас же показательно и меньшее, в полтора-два раза, число занятых в лёгкой промышленности Восточной Сибири в сравнении с общесоюзной медианой. В то же время равные пропорции выдерживались в пищевой индустрии, что объяснялось необходимостью удовлетворения продуктами первой необходимости стремительно растущего городского населения региона. К тому же занятым в пищевом производстве автоматически оказывалось население в местах традиционного природопользования (оленоводство, собирательство, рыболовство и т. п.).

[Таблица № 1]

Условная отраслевая структура занятости в промышленности Сибири и Дальнего Востока (промышленно-производственный персонал, в % к итогу)

Отрасль промышленности	1960 год				1970 год			
	СССР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	СССР	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
<i>Электроэнергетика</i>	2	2	3	3	2	2	3	3
<i>Топливная</i>	7	14	6	8	5	10	5	6
<i>Чёрная металлургия</i>	5	5	1	1	4	4	1	1
<i>Химическая и нефтехимическая</i>	3	4	3	1	4	6	3	1

<i>Машиностроение и металлообработка</i>	32	35	19	25	38	41	23	29
<i>Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная</i>	12	12	29	20	9	10	26	17
<i>Строительных материалов (включая стекольную)</i>	7	6	7	7	7	5	8	7
<i>Лёгкая</i>	17	11	9	7	16	10	10	9
<i>Пищевая</i>	9	8	8	20	9	8	7	17

(Приведено по: *Кистанова, 1978: 43*)

Политика форсированного развития тяжёлой промышленности повышало спрос на мужские рабочие руки. Создавался явный дисбаланс в структуре занятости, которая становилась более ригидной, односторонней — так складывалась проблема комплексного использования трудовых ресурсов.

На рубеже 1950-60-х годов новосибирским Институтом экономики и организации промпроизводства (ИЭОПП) СО АН совместно с Красноярским совнархозом было предпринято масштабное эконом-социологическое исследование в Ачинско-Назаровском и Абакано-Минусинском промышленных узлах. Региональным властям было рекомендовано отказаться от существующей практики завоза продуктов потребления из западных районов страны. Для этого построить собственные текстильные, мебельные, швейные, обувные, мыловаренные и прочие предприятия (Цимдина, 1961: 70).

Это явно расходилась с общим подходом, который не просто отводил пищевой промышленности второстепенные позиции, но и признавал допустимым и правильным её замедленное развитие. Наиболее полно эту мысль в конце 1970-х выразила экономист Надежда Кистанова из СОПС при Госплане СССР. Она отталкивалась от проведённых её ведомством расчётах, показавших, «что завоз ряда продуктов пищевой промышленности во вновь осваиваемые районы Севера и Востока даже из отдалённых европейских районов во многих случаях обеспечивает (за счёт разницы в стоимости сельскохозяйственного сырья) большую народнохозяйственную экономию по сравнению с производством этих продуктов в регионе» (Кистанова, 1978: 71).

Жёсткая ставка на развитие приоритетных производств, пусть даже и ценой отказа от полноценного формирования на востоке лёгкой и пищевой промышленности, напрямую сказывалась на перспективах сельского хозяйства. Если экономически

оправданным оказывался завоз продуктов питания, то сибирское село должно было отдать индустриальному городу свой главный ресурс — рабочие руки.

***

В 1960 году Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (ИЭОПП) приступил к комплексному изучению использования трудовых ресурсов Ачинско-Назаровской группы районов Красноярского края (Ачинского, Боготольского, Назаровского, Ужурского и Больше-Улуйского). По результатам полевых исследований была выработана система предложений по планированию трудовых ресурсов с корректировками по размещению производительных сил. Предложения отличались самостоятельностью в вопросах планирования отраслевой структуры хозяйства, что в итоге привело к закономерным расхождениям во взглядах с коллегами из Совета по изучению производительных сил при союзном Госплане и Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР.

Организованный в 1957 году в новосибирском Академгородке ИЭОПП стал первым за Уралом академическим экономическим институтом. По методологическим подходам он заметно отличался от других профильных академических институтов. К ним относилась ставка на междисциплинарность: новосибирцы охотно проводили исследования на стыке экономики и социологии, математики, статистики и географии. Особое внимание уделялось набиравшей популярность в советском научном сообществе кибернетике, методам математического моделирования и программирования. К его сильным сторонам относился и большой объём практических исследований особенно в Ачинско-Назаровском и Абакано-Минусинского промузлах.

Основное внимание уделялось вопросам рационального размещения производительных сил региона и эффективного использования трудовых ресурсов. Выбор именно этих двух промышленных узлов предопределялся планами союзного и регионального руководства. Перспективы Ачинско-Назаровского промузла связывались с тем, что «именно здесь в ближайшие 15—20 лет будет создан крупный промышленный узел, основой специализации которого явится дешёвый уголь Канско-Ачинского бурогоугольного бассейна» (Цимдина, 1961: 58). Неглубокое залегание угольных пластов позволяло экскаваторам отгружать уголь прямо в железнодорожные вагоны: стоимость добычи, таким образом, равнялась стоимости погрузки. Принимая во внимание столь значительный экономический эффект, 5 июля 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают совместное постановление «О строительстве Назаровской ГРЭС». Капитальные вложения на её строительство были в четыре раза меньше затрат на строительство Саратовской ГЭС (Никифоров, 2010: 141). Это сравнение не случайно.

Объём затрат на строительство Саратовской ГЭС был раскритикован в 1958 году Н. С. Хрущёвым, строительство было заморожено до 1964 года, а строители были переброшены на возведение Балаковского завода волоконных материалов.

Опорными для Абакано-Минусинского промузла становились электроэнергетика (уже была намечена к возведению Саянская ГЭС), лесная, железорудная и угледобывающая промышленности, а также крайне энергоёмкая цветная металлургия. При этом «общая оценка возможностей Абакано-Минусинского узла была дана конференцией по развитию производительных сил Восточной Сибири (*Иркутск, 1958 год — авт.*), которая в своих выводах отметила, что этот район (наряду с районом нижнего течения р. Селенги в Бурятии) является наиболее перспективным в Восточной Сибири для широкого народнохозяйственного развития и форсированного строительства на ближайший период» (Захарина, 1961: 74).

Исследовательская группа ИЭОПШ отметила ключевую экономико-географическую особенность местных производительных сил: высокий уровень концентрации промышленности в крупных городах с одновременно слабым её развитием в прилегающих районах. Оба промышленных узла, и это подчёркивалось экономистами, должны были «надлежащим образом», а значит в первоочередном порядке обеспечены рабочими и инженерно-техническими кадрами.

Исследователями была выстроена последовательная социально-экономическая модель развития территории. Её хорошо можно проиллюстрировать на примерах с городами Назарово и Черногорск, где размещение тяжёлых производств (энергетика и угледобыча) создало сильный перекоп в пользу мужской рабочей силы. Как следствие нарушался принцип комплексного использования трудовых ресурсов, усиливался дисбаланс в структуре занятости. В итоге ситуация оборачивалась чрезвычайно высоким уровнем текучести кадров.

Практика показала, что за один только 1959 год по тресту «Ачинскалюминстрой» сменилось более половины работников. Схожая ситуация наблюдалась и на строительстве Назаровской ГРЭС, где «текучесть» кадров вообще достигла отметки в 60%. Совокупные потери оказывались поистине грандиозными: «если считать, что в среднем перерыв в работе, вызванный переездом, достигает 15 дней (по данным изучения, проведённого Ж. А. Зайончковской в Ачинске и Назарово), то потери рабочего времени за год только по Ачинску и Назарово составят более 100 тыс. человеко-дней» (Цимдина, 1961: 64). И это на примере только двух городов, где население по состоянию на 1959 год составляло порядка 50 тысяч (Ачинск) и около 30 тысяч человек (Назарово).

«Сверхтекучесть» кадров на объектах нового строительства носила хронический характер для всей Сибири. Так, в 1961 году на строительство Братской ГЭС прибыло по оргнабору 5 385 рабочих, в том же году уволилось 1 247 человек, т.е. 24% от числа новоприбывших (Никифоров, 2010: 143).

Такое положение дел не могло оставить безучастными местные власти, в особенности краевой совнархоз. Отсюда и повышенное внимание к работе исследовательских групп ИЭОПП. Дина Захарина писала: «...можно убедиться в большом практическом значении исследований использования трудовых ресурсов. Уже на начальных стадиях работы эти материалы использовались местными органами. Внимание к Абакано-Минусинскому узлу возросло. В процессе корректировки семилетнего плана совнархоз Красноярского края наметил здесь ряд новых объектов промышленности, которые прежде предусматривались в других местах» (Захарина, 1961: 83).

Переломить ситуацию, по мнению учёных ИЭОПП, могло решение жилищного вопроса. Следовало улучшить и общие материальные условия работы в районах нового индустриального строительства. Устранить перекос в структуре занятости могло развитие региональной лёгкой и пищевой промышленности, преимущественно ориентированных на женский труд. Это позволяло и решить вопрос и со снабжением местного населения их продукцией.

На тот момент доля местного лёгкого и пищевого производства в Сибири была относительно невелика, большая часть продуктов потребления доставлялась из западных районов страны на расстоянии 2—3 тыс. километров и более. В ИЭОПП пришли к выводу, ставшему впоследствии причиной принципиальных экономических дискуссий: «в своё время такие перевозки были экономически оправданы, но с ростом тяжёлой промышленности и быстрым увеличением численности населения встаёт вопрос о более широком развитии отраслей лёгкой и пищевой промышленности непосредственно в Сибири» (Цимдина, 1961: 70). Подход ИЭОПП был довольно взвешенным, ни о каком сплошном территориальном размещении лёгкой и пищевой индустрии речь не шла, всё решала степень развития соответствующих производств в регионе и обеспеченность ресурсами.

Исследователи признавали ограниченность ресурсов для развития лёгкой промышленности в Ачинско-Назаровской группе районов. Но зато имелся целый ряд производств, тяготевших к районам потребления, размещение которых мало зависело от дальности перевозок сырья. Речь шла не об остаточном принципе создания данных предприятий, когда будут возведены индустриальные объекты, а об одновременном и параллельном с ними строительстве. «В целях вовлечения в общественное производство

также и трудоспособных женщин, в Ачинске и особенно в Назарово следует предусмотреть более высокие темпы развития лёгкой и пищевой промышленности и обслуживающих отраслей...темпы роста обслуживающих отраслей должны соответствовать в какой-то мере росту численности населения» (Вопросы трудовых ресурсов, 1961: 83).

К 1965 году, после расширения добычи угля и пуска первой очереди электростанции в Назарово, прогнозировался резкий перекоп в структуре мужской/женской занятости если не будет принято никаких стабилизирующих мер. Целесообразным виделся запуск следующих предприятий: текстильное, мебельное, швейное, обувное и мыловаренное производства. Безусловно, речь не шла о необходимости ввода именно всех этих фабрик, таковые относились к числу благоприятных для размещения в регионе.

Мнение ИЭОПП было услышано руководством Красноярского совнархоза и к середине 1960-х в Назарово появились мебельная и швейная фабрики, хлебокомбинат (начал строиться ещё в 1961 году), плюс комбинат бытового обслуживания. В угледобывающем Черногорске, стратегически важном центре Абакано-Минусинского промышленного узла, к тому времени действовали два цеха Заозёрновской слюдяной фабрики, одной из крупнейших в СССР. В конце 1950-х совнархоз решает придать цехам в Черногорске статус самостоятельной фабрики. В 1960 году был введен крупнейший в регионе Черногорский камвольно-суконный комбинат (КСК). В планы было включено строительство двух трикотажных фабрик (Вопросы трудовых ресурсов, 1961: 64).

Заявленная ИЭОПП позиция входила в диссонанс с аргументами сторонников «отстающего», замедленного развития легкой промышленности на востоке. В СОПС при Госплане СССР предпочитали оперировать соотношением решающих для сибирской экономики факторов. К ним относились: повышенная заработная плата и необходимость дополнительных капиталовложений (вызванных, в свою очередь, более суровыми природно-климатическими условиями), а также наличие дешёвых топливно-энергетических ресурсов. Исходя из оценки каждого фактора, СОПС признавал экономическую неэффективность размещения в Восточной Сибири текстильного производства. Во-первых, как создающего повышенный спрос на рабочую силу, что в условиях трудодефицита и необходимости экономии на фонде оплаты труда расценивалось исключительно как негативный фактор. А во-вторых, текстильные предприятия сравнительно мало потребляли топливно-энергетические ресурсы, значительными запасами которых обладала Сибирь. Гораздо лучшим вариантом выглядело бы строительство в Сибири завода вискозного штапеля. Только ежегодная

экономия средств в таком случае превысила бы 1,5 млн руб., в сравнении с постройкой аналогичного производства в Центральной России (Кистанова, 1978: 66-67).

Коллеги из Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР высказывались еще более категорично: «...в трудонедостаточных районах невыгодно размещать текстильные предприятия (типа камвольно-суконного комбината), некоторые машиностроительные заводы (станкостроительные), даже если их продукция целиком предназначена для потребления на востоке страны» (Воробьев, 1977: 128).

Возможно, в СОПС понимали, что женский труд является важным резервом восполнения дефицитной рабочей силы. Общий демографический тренд в те годы не позволял надеяться на скорое выправление ситуации и вхождение в трудоспособный возраст миллионов советских граждан, способных моментально закрыть существующий кадровый дефицит. Если в 1950-х годах уровень рождаемости в Советском Союзе оставался более-менее стабильным, то уже к концу 1950-х — начале 1960-х годов в стране стало наблюдаться падение рождаемости. Демографы объясняли ситуацию вступлением в фертильный возраст малочисленного «военного» поколения (Вопросы экономического роста, 1976: 66-67). Надо ли говорить, что возникшая демографическая ситуация ухудшала и без того напряжённый баланс трудовых ресурсов на востоке страны. С того же времени тема использования женского труда получает особый статус в советских экономических исследованиях.

[Таблица № 2]

Показатели рождаемости в городских поселениях и сельских местностях РСФСР

Годы	Число родившихся на 1 000 чел. населения в:	
	городских поселениях	сельских местностях
1960	21,9	27,8
1963	18,5	24,0
1964	17,4	22,1
1965	16,1	21,1
1966	16,0	20,8
1967	15,4	19,8
1968	15,3	19,5
1969	15,6	18,7
1970	16,4	18,7
1971	16,9	19,2

1972	16,9	19,0
1974	16,9	19,6

(Приведено по: *Вопросы экономического роста, 1976: 68*)

* * *

Резюмируя, определим несколько важных для настоящей статьи выводов. Научная методологическая дискуссия по проблеме пространственно-экономического развития Сибири велась на уровне нескольких советских исследовательских институтов-аналитических центров, важнейшими из которых оказывались СОПС при Госплане СССР и Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Возникнув на рубеже 1950-1960-х годов, с момента организации ИЭОПП в Сибирском отделении Академии наук, академическая полемика сохранилась на протяжении всей последующей истории советской Сибири. При этом, можно выделить, как общую позицию, объединявшую в подходах СОПС и ИЭОПП, так и точки расхождения.

Общность обнаруживалась во взглядах на приоритетные для размещения в Сибири производства: энергоёмкие, добывающие (ресурсные), с как можно меньшим количеством персонала (отсюда и расчёт на автоматизацию и механизацию «сибирской» индустрии). Но хронологические рамки статьи не зря ограничиваются рубежом 1970-1980-х годов, последующее десятилетие будет озаменовано постепенным переходом сибирской промышленности в сторону науко- и трудоёмких производств высокого передела. В частности, можно привести пример с планированием научно-технологического развития Красноярского края в период второй «красноярской десятилетки» (1981–1990 гг.). Согласно экономическим планам, два крупных красноярских академических НИИ – действующий Институт химии и химической технологии (ИХХТ) СО АН и создаваемый КАТЭКНИИУголь должны были в 1980-х годах подготовить второй этап формирования Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Для этих целей в ИХХТ к 1988 году завершилось формирование двух основных направлений – углехимического и химико-металлургического, имевших к тому времени наработанный портфель фундаментальных и прикладных разработок. А уже в 1989 на базе ИХХТ решением Президиума СО АН был создан, по сути, мегаинститут: Объединённый Институт химии и химической технологии СО АН (в составе Института химии и химико-металлургических процессов и Института химии природного органического сырья) (Рубайло, 2012: 10). Согласно плану после 1990 года в Красноярском крае должны были возникнуть энерготехнологические комбинаты для производства новых видов топлива, научное

сопровождение которых и должно было войти в сферу ответственности объединённого института.

Расхождения в подходах к пространственно-экономическому планированию в Сибири обнаруживаются в ходе активного вовлечения ИЭОПП в работу комплексных социо-экономических территориальных исследований. Новосибирскими эконом-социологами и географами были подробно обследованы два крупнейших, формируемых в регионе промышленных узла: Ачинско-Назаровский и Абакано-Минусинский. Учитывая важность контекстного поля для интеллектуальной истории, в статье, в ходе разбора кейса, обращается внимание на предпосылки появления в крае научно-исследовательской экспедиции (по просьбе руководства Красноярского совнархоза, обеспокоенного высоким уровнем кадровой «текучести» на объектах промузлов) и основных результатов проведённой работы.

Именно по итогам работы красноярской экспедиции ИЭОПП впервые заявляется в качестве непосредственной рекомендации необходимость не второстепенного, заведомо отстающего развития лёгкой и пищевой индустрий, а именно ускоренного, не уступающего темпам роста приоритетных индустрий. Подход, ставший в последующем «визитной карточкой» новосибирской эконом-социологической школы и последовательно проводимый ею в жизнь в ходе взаимодействия с региональными властями в Сибири. Но эта позиция вызывала сопротивление со стороны СОПС при Госплане СССР, поскольку совершенно не вписывалась в идеологию пространственно-хозяйственного развития Сибири, прежде всего, из-за трудозатратности предлагаемых мер.

Библиография:

Арасланова В. А., Арасланова А. А. (2015). Управление трудовыми ресурсами в условиях территориально-производственных комплексов в СССР (вторая половина XX в.). // Историческая и социально-образовательная мысль, № 5-1, том 7.

Бреев Б. Д. (1977). Подвижность населения и трудовых ресурсов. — М.: Мысль.

Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. (1961). / Под общей редакцией Г. А. Пруденского. — Новосибирск.

Вопросы экономического роста СССР. (1976). / Под ред. акад. Т. С. Хачатурова. — М.: Изд-во МГУ.

Воробьёв В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). (1977). / Отв. ред. академик В. Б. Сочава. — Новосибирск: Наука.

Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы. (1986). // Двадцатый съезд КПСС. / Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 9. 1956—1960. — 9-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат.

Задорин А. В. (2012). Поселенческая структура Красноярского края в конце 50 — конце 80-х гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, № 1.

Занятость в небольших городах (Экономико-географический аспект). (1978). / Под ред. д. э. н. А. Э. Котляра. — М.: Статистика.

Захарина Д. М. (1961). Об использовании трудовых ресурсов Абакано-Минусинского узла. // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / Под общей редакцией Г. А. Пруденского. — Новосибирск.

Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946—1960 гг. (1989). / Алексеев В. В., Букин С. С., Долголюк А. А. и др. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.

Кистанова Н. С. (1978). Региональное использование трудовых ресурсов. — М.: Наука, 1978.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9: 1956 — 1960. — Москва: Политиздат, 1986.

Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4—11 авг. 1947 г.: тез. докл. (1947) — М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Котляр З. А. (1989). Структура занятости населения: проблемы совершенствования. / Отв. ред. Б. Д. Бреев. — М.: Наука.

Мегилл А. (2005). Глобализация и история идей // Диалог со временем. Вып. 14.

Никифоров В. С. (2010). Развитие топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири в 50—80 гг. XX века. // Учёные записки Российского государственного социального университета, № 5.

Репина Л. П. (2009). Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Вып. 25/1.

Рубайло А. И., Павленко Н. И., Шор Е. А. (2012). Химия в Красноярском научном центре: вчера, сегодня, завтра // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. Том 4, номер 2.

Суходолов А. П. (2015). Предпосылки и перспективы формирования комплекса чёрной металлургии в Восточной Сибири и Иркутской области. // Известия Иркутской государственной экономической академии, № 1, том 25.

Цимдина З. Р., Сергиевская И. А. (1961). Опыт изучения использования трудовых ресурсов Ачинско-Назаровской группы районов. // Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири / Под общей редакцией Г. А. Пруденского. — Новосибирск.